

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.029-043

С. Ю. Филиппова
И. С. Шиткина

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Организационное единство как признак юридического лица

Резюме. Авторы ставят вопрос об организационном единстве как признаке юридического лица. На основе анализа современных объединений, таких как экосистемы, интегрированные группы, холдинги, они приходят к выводу о том, что общность, обладающая организационным единством, необязательно является правосубъектной. Если участники организационного единства желают приобрести правосубъектность (быть юридическим лицом), оно должно соответствовать установленным в законе требованиям к организационно-правовым формам общностей, допускаемых к участию в гражданском обороте в качестве юридического лица. В статье анализируются признаки организационного единства: устойчивость, наличие общей цели, координация (кооперация, иерархия), распределение функций внутри организации, единое нормативное пространство (объединенность общими стандартами), внешняя демонстрация принадлежности к организационному единству. Общности, являющиеся организационным единством, могут быть интегрированы вокруг различных ценностей, от чего зависят структура, цель и содержание деятельности общности. Принадлежность субъекта к общности, представляющей собой организационное единство, влияет на его правовой статус и правовые отношения, в которые он вступает. В частности, это имеет значение при оценке действительности совершенных безвозмездных сделок между коммерческими организациями, квалификации крупных сделок, выявлении критериев одобрения сделок в соответствии с уставом юридического лица, привлечении к ответственности за действия другого субъекта.

Ключевые слова: юридическое лицо; организационное единство; признаки организационного единства; цели организационного единства; правосубъектность; границы юридического лица; организационно-правовая форма; устав; орган; корпорация; общая экономическая цель

Для цитирования: Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Организационное единство как признак юридического лица. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 29–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.029-043

Organizational Unity as a Characteristic of a Legal Entity

Sofia Yu. Filippova

Irina S. Shitkina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The authors examine organizational unity as a characteristic of a legal entity. Based on an analysis of contemporary forms of association — such as ecosystems, integrated groups and holdings — they conclude that a community exhibiting organizational unity is not necessarily a legal entity. If participants in such an organizational unity seek to acquire legal personality, the community must meet the requirements established by law for the organizational legal forms that are permitted to participate in civil circulation as legal entities. The authors analyze the indicators of organizational unity, including stability; the presence of a common goal; coordination (cooperation and hierarchical relations); the distribution of functions within the organization; the existence of a unified regulatory space (harmonization by common standards); and external manifestations of belonging to the organizational unity. Communities organized around differing values may vary in structure, purpose and the

© Филиппова С. Ю., Шиткина И. С., 2026

substantive content of their activities. Membership in an organizational unity affects a subject's legal status and the legal relations in which they participate. This has particular significance for assessing the validity of gratuitous transactions between commercial organizations, for qualifying large transactions, for identifying criteria for approving transactions under an entity's charter, and for attributing liability for the actions of another entity.

Keywords: legal entity; organizational unity; signs of organizational unity; goals of organizational unity; legal personality; boundaries of the legal entity; legal form; charter; organ; corporation; overall economic objective

Cite as: Filippova SYu, Shitkina IS. Organizational Unity as a Characteristic of a Legal Entity. *Lex russica*. 2026;79(3):29-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.029-043

Введение

В современном правовом поле, может вследствие насущной потребности укрупнения бизнеса, которому становятся тесны рамки юридического лица, может из-за склонности модернизировать всё и вся вне зависимости от реальной необходимости, а может и вследствие банального непонимания существа юридического лица, мы встречаем разнообразные кластеры, экосистемы, дивизионы, научные центры, интегрированные группы, которые ведут некое дело, зачастую имеют единую систему документооборота. Перемещение товаров в этих сущностях оформляется специальным образом, внутри таких образований иногда действуют общие правила приемки товаров, единые стандарты качества. Даже более того, такие сущности, если верить сообщениям в СМИ, «продают» и «покупают» бизнес, ведут иные операции, как если бы они были правосубъектными. Между тем беглого ознакомления с положениями ГК РФ достаточно, чтобы обнаружить, что никаких кластеров и дивизионов, экосистем как субъектов гражданского права не существует. Столько копий было сломано для того, чтобы закрепить возможность существования юридических лиц лишь в тех формах, которые прямо названы в ГК РФ, и для чего это всё было сделано? В любом учебнике гражданского права мы сможем прочесть: для того, чтобы быть субъектом гражданского права и иметь гражданскую правоспособность, организация должна быть юридическим лицом, т.е. обладать признаками, одним из которых является организационное единство. Вместе с тем неясно, что же такое «быть единым», по каким критериям это единство определяется; кроме того, встает вопрос о том, какое именно единство может рассматриваться

в качестве юридического лица. В социальной реальности есть огромное множество разнообразных человеческих объединений, начиная от общественно полезных групп людей, осуществляющих организованную уборку территорий во время субботников, заканчивая откровенно преступными объединениями, например организованными преступными группами. Как же узнать, у каких общностей единства достаточно, чтобы получить правосубъектность (быть зарегистрированными как юридические лица), а какие «недоотягивают» по этому параметру?

Основная часть

В учебной литературе признак *организационного единства* выводят из определения юридического лица как организации. Действительно, согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается *организация*, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

С. Н. Братусь, резюмируя представления о юридическом лице, отмечал, что существующие «разнообразные буржуазные теории юридического лица сходятся в одном — в признании того, что юридическое лицо — это некоторое имущественное и организационное единство, выступающее в гражданском обороте в качестве носителя прав и обязанностей»¹. Но что означает «организационное единство»?

В доктрине отмечается, что признак организационного единства состоит в том, что «субъект хозяйствования должен быть единым с позиции его организации»². При этом, что пред-

¹ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 162.

² Лаптев В. А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М. : Волтерс Клувер, 2008.

ставляет собой это единство с позиций организации, не вполне ясно.

В учебной литературе указывают, что «организационное единство характеризует всякую организацию как единое целое, способное решать определенные социальные (в данном случае — гражданско-правовые, имущественные) задачи. Оно предполагает определенную внутреннюю структуру организации, выражающуюся в наличии у нее органов управления, а при необходимости — и соответствующих подразделений для выполнения установленных для нее задач.

Как задачи (функции) организации, так и ее структура закрепляются в ее учредительных документах — уставе, учредительном договоре, а иногда — в общем положении (типовом уставе) об организациях данного вида (п. 1 ст. 52 ГК РФ). В них обязательно определяются наименование и место нахождения юридического лица, порядок управления его деятельностью (органы управления, их компетенция и т.д.), в большинстве случаев — предмет и цели этой деятельности, а также иные сведения, предусмотренные законом для соответствующих разновидностей юридических лиц. Наличие такого рода документов и является формальным выражением организационного единства как признака юридического лица»³.

Как видим, выделяются следующие свойства, характеризующие организационное единство: а) «единое целое»; б) способность решать определенные социальные задачи; в) наличие внутренней структуры, включающей органы и подразделения. Отмечают также фиксацию в учредительных документах задач организации и ее структуры в качестве формального выражения организационного единства.

Что такое единое целое, до какой степени способность решать задачи принадлежит именно целостному единству, а не отдельным составляющим? Вопрос возникает в связи с тем, что для разных целей и задач нужны различные правовые средства и есть такие задачи, решение которых требует объединения нескольких правосубъектных образований, а для решения других вообще не нужна правосубъектность. Неслучайно существуют уже упомянутые экосистемы, где правосубъектными являются все

участники, но задачи общего бизнеса решаются сообща. И стоит отметить, что само по себе наличие органов или подразделений еще не говорит о единстве, а напротив, характеризует раздельность до тех пор, пока не будут ясны критерии, позволяющие считать нечто частью целого.

Одна ситуация складывается, если эти части неправосубъектны. В этом случае для того, чтобы объявить нечто своей частью, не требуется воли этого нечто. Сложнее дело обстоит, когда это нечто само правосубъектно. Можно ли объявить другого субъекта своей частью без его воли? Включится ли такое нечто в структуру единого целого и если да, то почему?

Для иллюстрации приведем проблему так называемого добровольного и обязательного членства одних субъектов в других субъектах. Например, согласно ст. 7 Закона РФ от 07.07.1993 № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»⁴ членство торгово-промышленных палат (ТПП) субъектов Российской Федерации и ТПП муниципальных образований в ТПП РФ является обязательным.

Членство ТПП муниципальных образований в ТПП соответствующего субъекта Федерации обязательно. Членство иных организаций и индивидуальных предпринимателей в ТПП добровольно.

Возникающие в результате членства в ТПП отношения между региональными и муниципальными ТПП предполагают иерархию, обязанность соблюдения правил вышестоящей ТПП, выполнение единых функций (задач), согласование уставов и кандидатур единоличного исполнительного органа нижестоящих палат, подконтрольность. Так, в соответствии со ст. 10 Устава ТПП РФ, утвержденного Учредительным съездом ТПП РСФСР 19 октября 1991 г., с учетом изменений, внесенных 26 февраля 2021 г. VIII Съездом Торгово-промышленной палаты РФ, последняя объединяет на федеральном уровне ТПП субъектов Федерации и муниципальных образований субъектов Федерации, а также являющиеся членами палаты организации (союзы, ассоциации и т.п.) и индивидуальных предпринимателей. ТПП РФ осуществляет общую координацию деятельности

³ Российское гражданское право : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. С. 184–185 (автор — Е. А. Суханов).

⁴ Российская газета. № 154. 12.08.1993.

торгово-промышленных палат, представляет их интересы, согласовывает кандидатуры на должность единоличного исполнительного органа палат путем проведения консультаций с их членами на основании положения, утверждаемого Советом ТПП РФ. В статье 11 Устава мы найдем такую неоднозначную фразу: ТПП РФ осуществляет свои функции *самостоятельно либо через торгово-промышленные палаты*, образованные на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации и на территориях муниципальных образований субъектов Российской Федерации, а также через созданные ею организации, филиалы и открытые ею представительства. Складывается впечатление, что все торгово-промышленные палаты создают некое организационное единство, включающее в себя правосубъектные единицы, часть из которых вступила в него по собственной воле, а часть — в силу прямого указания закона, но в дальнейшем они действуют одновременно в одной системе торгово-промышленных палат.

В литературе отмечают, что организационное единство, закрепленное в уставе, определяет структуру и деятельность юридического лица как самостоятельного целостного образования⁵. Кроме того, подчеркивают единство и организованность поведения коллектива людей. С. Н. Братусь в другой работе отмечал, что «юридическое лицо, будучи абстрактным выражением единства поведения организованного человеческого коллектива, зародившись как понятие *universitas* еще в древнем Риме, было использовано и получило свое полное развитие в буржуазном обществе»⁶.

Для текущего момента развития бизнеса характерны интегрированные структуры, объединяющие несколько юридических лиц для осуществления согласованной предпринимательской деятельности. К таким структурам можно отнести, например, *холдинги (группы компаний)*, характеризующиеся организационным единством: будучи самостоятельными юридическими лицами, участники холдинга

управляются из единого центра (основного общества) путем реализации им прав акционера, в силу договора или иных обстоятельств. При этом в соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ каждое юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. То есть мы можем наблюдать, как организационное единство одного юридического лица как бы поглощается другим. При этом холдинг (в отличие от вышеупомянутой ТПП РФ, объединяющей все торгово-промышленные палаты) — это неправосубъектное образование: организационные и распорядительные документы как основного общества, так и квазиорганов холдинга (совета холдинга, коллегии холдинга и пр.) не могут перейти границу юридического лица, а должны быть приняты компетентными органами каждого из юридических лиц, входящих в группу.

Экосистема — это договорное объединение нескольких субъектов, суть которого в использовании единого платформенного решения⁷. Следует отличать включенность в экосистему отдельных участников, образующих организационное единство (чаще всего — основное и дочерние общества), и партнеров, потребителей экосистемы, которые организационное единство уже не формируют; их цель не осуществление бизнеса с использованием конкретного ресурса, а реализация или приобретение товара, работы, услуги. Например, в экосистеме «Яндекса» можно приобрести билеты в Театр имени А.С. Пушкина посредством «Яндекс Афиши», получить за это бонусы, которые затем потратить на оплату топлива на автозаправочной станции через приложение «Яндекс Заправки». Театр и заправочная станция — это партнеры экосистемы, гражданин, покупающий билет и заправляющий автомобиль, — потребитель. На этом примере хорошо видны границы организационного единства экосистемы, в которое не входят ни театр, ни заправка, ни гражданин,

⁵ Могилевский С. Д., Самойлов И. А. Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности. М., 2007. С. 34.

⁶ Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. С. 44.

⁷ Согласно п. 4 Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901) экосистема цифровой экономики — партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан.

хотя именно они и заключают договоры с использованием экосистемы.

Завершая тему интеграционных объединений, приведем мнение А. В. Габова о том, что в настоящее время участниками экономических отношений часто становятся лица, которые формально являются самостоятельными субъектами, однако в действительности реализуют интересы иных лиц или, говоря иначе, решения которых принимаются не из собственного рационального экономического интереса, который преследовало бы в аналогичных условиях любое свободное от влияния лицо, а представляют собой реализацию интереса другого лица (лиц), которое(-ые) в силу различных оснований (связи) может (могут) влиять на принятие решения таким формально самостоятельным лицом⁸.

Стоит выявить а) признаки, позволяющие говорить о сформированности организационного единства; б) качества, необходимые для того, чтобы считать организационное единство правосубъектным.

Как мы уже отметили, на современном этапе часто встает вопрос о том, что де-юре самостоятельные субъекты права, в силу наличия признаков организационного единства, рассматриваются де-факто как единый субъект, который судами привлекается к ответственности общей имущественной массой. Следует обдумать корректность и обоснованность такой практики, размывающей границы юридического лица.

В законодательстве отсутствуют признаки, необходимые для признания социального образования организацией. Поэтому интересно посмотреть на понятие организации в экономической литературе. Указывают, что «организация представляет собой сознательно координируемое социальное образование с определенными границами, функционирующее на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей»⁹. Таким образом, экономисты выделяют: а) сознатель-

ную координацию; б) стабильность (относительное постоянство); в) наличие общей цели или целей.

Можно предложить следующие признаки организационного единства: устойчивость, наличие общей цели, координацию (кооперацию, иерархию), распределение функций внутри организации, единое нормативное пространство (объединенность общими стандартами), внешнюю демонстрацию принадлежности к организационному единству.

Устойчивость (стабильность, относительное постоянство) — признак организационного единства, позволяющий отличить его от случайно возникшей общности (очередь пассажиров на посадку в самолет). Продолжительность существования этих общностей различается. Некоторые существуют многие десятилетия, а другие создаются для реализации конкретного проекта. *Ясных количественных и качественных критериев устойчивости (стабильности) закон не определяет.*

Устойчивость — это способность системы сохранять свое состояние или возвращаться к нему после воздействия внешних факторов, которые могут нарушить равновесие. Термин «устойчивость» имеет смысловую основу в слове «устой», которое, согласно словарю русского языка, означает базу, стержень, традиции. Для объяснения существа организационного единства это подразумевает, что общность выстраивается вокруг единого стержня, на единой базе. Таким *стержнем* может быть какой-то *имущественный актив*, например, организационное единство может быть выстроено на основе сложного имущественного объекта: нефтебазы, скважины, судостроительного производства, фабрики и пр., т.е. того, что можно назвать единым имущественным комплексом, предприятием¹⁰. Таким стержнем может стать *личность или деловая репутация* определенного лица или лиц, например музыкальный коллектив, известный под конкретным названием. Им мо-

⁸ Габов А. В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11–21.

⁹ Кочеткова А. И. Введение в организационное поведение и организационное моделирование : учеб. пособие. М., 2003. С. 15.

¹⁰ Отметим, что суды косвенным образом объясняют существо организационного единства применительно к юридическим лицам, образованным в процессе приватизации государственных предприятий, рассматривая их как единые экономические комплексы в целях координации и кооперации производственно-хозяйственной деятельности. См.: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.03.1999 № 4 «О некоторых вопросах, связанных с обращением взыскания на акции» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 4.

гут быть *определенное знание, навык, умение*. Такое знание может иметь форму секрета производства (ноу-хау), формулы, охраняемой патентом (изобретение, полезная модель). Стержнем может выступить определенная *ценность нематериального характера*, имеющая, например, религиозно-культовое значение. Могут быть и иные стержни, на основе которых выстраивается общность. Эта база становится для организационного единства *незаменимой*, вокруг нее выстраиваются все прочие составляющие, и она образует особость, отделенность данного единства от прочего реального мира.

Если такого незаменимого компонента изначально не было, то существует риск того, что за внешней оболочкой юридического лица нет реально существующей организации. В связи с этим вспомним часто обсуждаемый вопрос о чистке реестра от компаний-однодневок. Так, отмечают, что «под «фирмой-однодневкой» в самом общем смысле понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации и т.д.

Суть схемы с участием «фирм-однодневок» сводится к искусственному включению их в цепочку хозяйственных связей. При этом противоправная цель достигается в результате согласованных противоправных действий налогоплательщика и подконтрольной ему «фирмы-однодневки», которая является формально обособленной от налогоплательщика, что часто, как показывает практика, фактически не соответствует действительности»¹¹.

К искусственной схеме имитации реальности субъекта относится и так называемое *дробление бизнеса*. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ¹² дробление бизнеса — *разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами* (организациями, индивидуальными предпринимателями), в отношении которых

осуществляется контроль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов с превышением предусмотренных статьей 54.1 НК РФ пределов осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налогов.

Если из некой общности исключить одну составляющую, то последствия для существования общности могут различаться. Разрушение, изъятие незаменимых компонентов приводит к распаду всей общности. Вместе с тем изъятие других не разрушает общность. Например, смерть исполнителя, вокруг которого был создан творческий коллектив, приведет к прекращению существования коллектива, а выход или исключение участника общества с ограниченной ответственностью не всегда влечет за собой прекращение организационного единства. Можно предположить, что, помимо незаменимого компонента общности, без которого она не может существовать, есть заменимые, не влияющие на существование общности. При изъятии заменимых составляющих общность либо вовсе не повреждается, либо без существенных потерь может быть восстановлена. Интересно отметить, что ценность того или иного компонента зависит от конкретной общности. Хотелось бы написать, что для объединений лиц незаменимыми являются личность и свойства участников, а для объединений капиталов нет, но это будет неверно. Бывает, что для объединения лиц незаменимым становится имущество (или имущественный комплекс) и, напротив, для объединения капиталов в некоторых случаях приобретает значение личность участников. Именно последняя ситуация позволяет ставить вопрос об ограничении принятия в состав хозяйственного общества наследников участника, продажи долей посторонним лицам и пр.

Например, в одном из судебных споров рассматривался вопрос об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью. Основным видом деятельности общества —

¹¹ Письмо ФНС России от 11.02.2010 № 3-7-07/84 // Официальные документы : еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право». № 9. 02.03.2010 ; письмо ФНС России от 24.07.2015 № ЕД-4-2/13005@ // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ (с изм. на 12.12.2024) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4105.

частного охранного предприятия — являлись обеспечение безопасности и проведение исследований, имелась соответствующая лицензия. У одного из трех участников общества доля в уставном капитале составляла 50 %. Приговором суда этот участник был признан виновным по ч. 3 ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата». В связи с требованиями, установленными законом к частным охранным предприятиям, их участниками не могут являться граждане, имеющие судимость за совершение умышленного преступления, а также юридические лица, в составе учредителей (участников) которых есть указанные лица (ст. 15.1 Закона РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»¹³). В результате наличия этой судимости общество более не могло заниматься основной деятельностью, в связи с чем один из оставшихся участников предъявил иск об исключении из общества этого участника. Иск был удовлетворен судом¹⁴. Как видим, несмотря на то, что общество с ограниченной ответственностью относится к объединению капиталов, именно личные свойства участников приобрели существенное значение для ведения его деятельности, и совершение преступления одним из участников сделало его непригодным к продолжению пребывания в общности.

Как справедливо отмечает Д. В. Ломакин, «обязанность не совершать действий, существенно затрудняющих или делающих невозможным достижение целей, ради которых создано общество, предполагает воздержание от действий, хотя и не направленных прямо на причинение вреда, но влекущих за собой иные негативные последствия для общества. Эти последствия заключаются в существенном затруднении достижения цели, ради которой создавалось общество, или в невозможности ее достижения. В результате совершения таких действий теряется смысл существования общества, поскольку оно представляет собой лишь средство достижения целей, сформулированных его учредителями»¹⁵.

Как видим, базой (в нашей интерпретации — стержнем) для общества, выраженной в уставе в качестве основной цели деятельности,

явилась частная охранный деятельность, требующая определенных качеств от участников (отсутствия судимости). Несмотря на то что совершенное преступление непосредственно не причиняло ущерба этому обществу, участник, получивший судимость, фактом своего участия (членства) стал мешать сохранению устойчивости общества, поскольку оно более не могло заниматься основной деятельностью, ради которой было создано, и поэтому участник, выступивший учредителем и обладавший 50 % уставного капитала, был исключен для сохранения устойчивости коммерческой организации.

Как видно на этом примере, *именно то, что является стержневым, незаменимым компонентом для организационного единства, в дальнейшем определяет тактику и правовые формы контроля за деятельностью общности*. Зачастую эти формы контроля не имеют линейной связи с корпоративным контролем, а обусловлены экономическим контролем, основанным, например, на лицензионных договорах, договорах коммерческой концессии.

Наличие интегрирующей деятельности цели (целей) является признаком, производным от устойчивости. Стоит отметить, что вопрос об общей цели является одним из широко обсуждаемых в юридической литературе. С одной стороны, одна из теорий, объясняющих сущность юридического лица, есть концепция целевого имущества, где выделение учредителями имущества для определенной цели и составляет существо юридического лица, но с другой — цель есть не только у юридических, но и у физических лиц, действующих автономно, кроме того, интегрирующие деятельность цели могут быть и у лиц, не образующих единство. Например, могут создаваться альянсы для решения конкретных задач, существуют экосистемы, объединяющие множество самостоятельных субъектов для того, чтобы можно было бесшовно осуществлять определенные операции.

Способность решать определенные социальные задачи является проявлением наличия общей цели. Эта общая цель может быть формализована в документе. Например, миссия группы «Аэрофлот» формально выражена и

¹³ Российская газета. № 100. 30.04.1992.

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.12.2021 № Ф08-4824/2020 по делу № А53-28518/2019.

¹⁵ Ломакин Д. В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12.

закреплена так: «Мы работаем для того, чтобы наши клиенты могли быстро и с комфортом преодолевать огромные расстояния, а значит — быть мобильными, чаще встречаться, успешно работать и видеть мир во всем его разнообразии. Мы даем нашим клиентам возможность выбора благодаря обширной маршрутной сети и различным авиаперевозчикам Группы: от лоукостера до авиакомпании премиального уровня. Наша цель — оставаться бесспорным лидером внутренних и международных авиаперевозок России и быть в числе лучших авиакомпаний мира, сочетая динамичное развитие и высокую надежность с качеством сервиса»¹⁶.

Миссия компании ближе к цели, интегрирующей деятельность организационного единства, чем общая для всех коммерческих юридических лиц цель извлечения прибыли, поскольку последняя не объясняет причин сохранения организационного единства именно этого юридического лица.

Как видится, *обеспечение сохранности функционирования незаменимого компонента и является основной целью организационного единства*.

Таким образом, если коммерческое юридическое лицо как субъект права обязательно имеет целью извлечение прибыли, то стоящее за ним организационное единство стремится обеспечить функционирование своего незаменимого стержневого компонента, вокруг которого оно и было выстроено. Получается, что контроль над незаменимой составляющей организационного единства может функционально быть у одного лица, а корпоративный контроль в отношении юридического лица — у другого. Этот контроль над незаменимым компонентом можно назвать своего рода экономической властью. Складывается интересная конструкция, при которой юридическая субъектность и организационное единство вокруг незаменимого компонента могут не совпадать. Как видится, в этом несовпадении корень всех проблем десубъективизации, при которой происходит игнорирование юридической оболочки

организационного единства в виде субъекта права. А. В. Габов призывает: «Используй свою экономическую власть над другим субъектом (реализуя свои интересы), но так, чтобы это не приводило к нарушению интересов других лиц критического характера»¹⁷. Вопрос состоит в том, что для субъектов экономики извлечение прибыли как незаменимый компонент более значимо, чем формально присвоенный основной государственный регистрационный номер.

В правовых позициях высших судебных инстанций часто отображается основная цель организационного единства, не совпадающая с целью обособленного коммерческого юридического лица в виде извлечения прибыли. Для обозначения этого явления суды используют разные термины: «общая экономическая цель», «общий корпоративный интерес», «внутригрупповой интерес» и пр. Например, один из первых судебных актов, где можно найти понятие «общие цели экономической деятельности», был принят еще в 2012 г.¹⁸

Это понятие упоминается в контексте оценки последствий при совершении сделок в группе связанных участников¹⁹. Суды полагают, что *выгоды от сделки в том или ином виде должны получить все члены, оценивая приращение имущественной базы группы в целом*. Здесь важна оценка судами непротивоправности действий директора общества — участника холдинга, если сделки поручительства, залога, займа и др. заключены этим директором в пользу другого юридического лица — участника холдинга, поскольку эти юридические лица образуют предпринимательское объединение, имеющее общий экономический интерес.

Координация представляет собой еще один признак организационного единства, состоящий в том, что деятельность в его рамках определенным образом согласована. Координация — это процесс распределения деятельности во времени, обеспечения взаимодействия различных частей организации в интересах выполнения стоящих перед ней задач²⁰. Координация обеспечивает устойчивость организации.

¹⁶ См.: URL: <https://ir.aeroflot.ru/ru/company-overview/strategy/> (дата обращения: 14.04.2025).

¹⁷ Габов А. В. Указ. соч.

¹⁸ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12.

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 ; п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018).

²⁰ Мильнер Б. З. Теория организации : учебник. М., 2008. С. 288.

Координация может иметь разные формы, в частности кооперации, подчинения, иерархии и др.

Кооперация (от лат. cooperatio — «сотрудничество») — это форма взаимодействия субъектов по объединению их усилий для достижения общей цели. *Иерархия* (от греч. ἱεραρχία) — распространение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему²¹. По иерархическому принципу строится организационно-управленческая структура юридического лица; он присущ холдинговым объединениям (группам), основанным на отношениях корпоративного (экономического) контроля.

В организационных единствах, являющихся юридическими лицами, координация осуществляется через компетенцию *органов юридического лица*. Органы юридического лица в рамках своей компетенции реализуют правоспособность юридического лица. Последнее приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом (п. 1 ст. 53 ГК РФ).

Координация основана на законе или непосредственно не предусмотрена законом, а определена на локальном уровне самими субъектами — участниками организационного единства. В качестве примера последнего варианта можно привести деятельность корпоративного секретаря. Он не является органом юридического лица, его статус не определен законом, он не участвует в формировании воли юридического лица. При этом большинство акционерных обществ имеет корпоративного секретаря. Согласно ст. 3.1 Кодекса корпоративного управления²² корпоративным секретарем обеспечиваются эффективное текущее взаимодействие с акционерами, координация действий общества по защите прав и интересов акционеров, поддержка эффективной работы совета директоров.

Часто в акционерных обществах неформальные функции координации выполняет старший независимый директор, причем такие функции, прямо не предусмотренные в законе, иногда

закрепляются непосредственно во внутренних документах корпораций. Например, согласно п. 5.4 положения о совете директоров ПАО «Ростелеком» «старший независимый директор координирует взаимодействие между независимыми директорами, в том числе созывает по мере необходимости встречи независимых директоров и председательствует на них; совместно с Председателем Совета директоров способствует налаживанию и поддержанию диалога между членами Совета директоров и акционерами Общества; в ситуациях конфликта, в частности в случае существенных разногласий между членами Совета директоров, принимает усилия по разрешению конфликта путем взаимодействия с его участниками»²³.

В организационных единствах коммерческой направленности, не являющихся юридическими лицами, зачастую создаются структурные части, осуществляющие стратегическое планирование, общее руководство деятельностью группы. Они выражают предпочтения тем или иным проектам, утверждают бизнес-планы, определяют позицию представителя группы при голосовании в органах управления подконтрольных лиц, распределяют финансовые потоки и пр. (эти структурные части могут иметь различные наименования, например «совет холдинга», «коллегия холдинга», «ассамблея железных дорог»). В социально-культурной сфере такие образования могут, например, наметить программу концертов музыкальной группы, утвердить проект гастролей, организовать сопровождение группы и пр. Не являющиеся органами юридического лица структурные части организационного единства иногда пытаются издавать документы, регламентирующие поведение субъектов, участвующих в организационном единстве, не имея на то формальных юридических оснований. Если такие распоряжения начинают фактически оказывать регулирующее воздействие на юридическое лицо, лишают его автономии воли, превращая в подконтрольное, то можно ставить вопрос о привлечении к ответственности лиц, дающих указания, как фактически контролирующих лиц (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). Но

²¹ Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999.

²² Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

²³ URL: https://www.company.ru/ir/corporate_governance/docs/Положение_о_СД_ред_16.pdf?ysclid=m572sxupeq755852792 (дата обращения: 14.04.2025).

надо понимать, что лица, которые подчиняются решениям подобных структурных частей, в дальнейшем юридически самостоятельно будут нести ответственность за принятые решения, в том числе в отношении которых были даны поручения, директивы для голосования и другие подобные рекомендации.

Распределение функций внутри организационного единства. В зависимости от вида общности, распределение функций может производиться по конкретным людям либо по относительно устойчивым функциональным частям. Очевидно, что если речь идет о музыкальном коллективе, например квартете или оркестре, то каждый участник общности будет играть на определенном инструменте, а дирижер будет направлять общую деятельность. Если же говорить о юридическом лице, то распределение функций будет осуществляться более формализованно, с четким определением подразделений, реализующих ту или иную функцию, причем зачастую вне зависимости от персонального состава подразделения. Некоторые из таких частей (подразделений) выполняют *фактические действия* (например, на складе хранятся товары, в цехе производится продукция), другие участвуют в совершении юридических действий (например, органы — в формировании воли юридического лица). Отметим, что *организационное единство, являющееся юридическим лицом, обязательно имеет структурные части, формирующие или выражающие волю, т.е. органы, и поэтому для таких структурных частей необходимо определение компетенции.* Организационные единства, не являющиеся юридическим лицом, не могут формировать и выражать во внешний мир волю, быть участниками имущественного оборота, поэтому волеформирующие и волеизъявляющие органы им не требуются.

В некоторых случаях для обеспечения функционирования организационного единства вне места его нахождения создаются филиалы и представительства. Согласно ст. 55 ГК РФ представителем является обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения, которое представляет интересы юридического лица и осуществляет их защиту. Филиал — обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения и осуществляющее все его функции или их часть, в том числе функции представительства.

Наличие единого нормативного пространства (объединенность общими стандартами). Поведение субъектов, объединенных в организационное единство, подчиняется определенным правилам. Групповые правила — обязательный признак любого организационного единства. В зависимости от формы такого единства состав правил различается. Например, для юридических лиц чаще всего используется устав в качестве учредительного документа и внутренние (локальные) документы; для всех дозволенных законом организационных единств нормативное пространство включает правовые предписания.

Сводь правил формируются на основании как правовых предписаний, так и собственных представлений группы о правильном поведении и выражены в стандартах, регламентах, декларациях, меморандумах и пр. В отдельных случаях такие своды правил вообще могут не иметь письменной фиксации (флибустьерский кодекс представлял собой свод пиратских обычаев, передаваемых в устной форме).

Наличие у большинства юридических лиц устава и/или учредительного договора, а также внутренних документов и *позволяет организации действовать по определенным правилам, зачастую отличным от подобных правил других образований (организационных единств).* Отметим, что не только в юридическом лице, но и в группах компаний уставы дочерних обществ, корпоративные договоры, внутренние документы разрабатываются по единому образцу, спроектированному управляющей организацией.

Надо отметить, что само по себе существование групповых правил (внутренних положений) не всегда является благом: не каждую систему правил можно считать дополняющей правовое регулирование, хотя все они оказывают регулирующее воздействие на членов соответствующей общности. Поэтому задача правовых институтов — анализировать систему правил, регламентирующих отношения такой группы, на предмет их соответствия нормам права.

Известна и проблема низкой юридической техники при подготовке этих документов. Например, по одному вопросу может быть принято несколько противоречивых документов, что ставит в затруднительное положение тех, кто применяет такие правила.

Внешняя демонстрация принадлежности к организационному единству. Организационные единства имеют свои символы. К таким

внешним символам относятся фирменные наименования, коммерческие обозначения, зонтичные бренды и пр. Через использование таких внешних атрибутов выражается единство, причем это единство может иметь различные формы. Например, согласно ст. 2 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»²⁴ торговая сеть — совокупность двух и более торговых объектов, которые принадлежат на законном основании хозяйствующему субъекту или нескольким хозяйствующим субъектам, входящим в одну группу лиц в соответствии с Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», или совокупность двух и более торговых объектов, которые используются под единым коммерческим обозначением или иным средством индивидуализации. Как видим, здесь единое коммерческое обозначение позволяет рассматривать как торговую сеть даже юридически разных субъектов права, а в связи с этим устанавливать единые правила для приобретения товаров в такую торговую сеть. То есть правила и ограничения законодатель адресует юридически разным субъектам, воспринимаемым как единое целое в связи с тем, что они продают товары под единым коммерческим обозначением. Известна практика использования так называемых зонтичных брендов, предполагающая применение тождественных или сходных обозначений для создания внешней оболочки единства. Причем в некоторых случаях такая общность может формироваться легальными инструментами (например, с заключением лицензионного договора или договора коммерческой концессии), а в других — может создаваться видимость общности путем недобросовестного использования соответствующих обозначений.

В рамках антисанкционного регулирования с целью обеспечения восприятия субъектами гражданского оборота сохранения организационного единства необходимо исключить участие субъектов из недружественных государств; существует практика создания юридических лиц с идентичными фирменными наименованиями. Так, согласно Указу Президента РФ от 19.12.2023 № 966 «О дополнительных специальных экономических мерах в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными

действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»²⁵ Правительство РФ создает российские общества с ограниченной ответственностью, к которым переходят все права и обязанности, от следующих обществ: от ООО «Ачим Девелопмент» к ООО «Ачим Девелопмент»; от АО «Ачимгаз» к ООО «Ачимгаз»; от АО «Ачим сбыт» к ООО «Ачим сбыт».

Как видим, *организационное единство является объективно (во внешнем мире) выраженным устойчивым объединением, интегрированным функционально незаменимым компонентом, имеющим структуру, состоящую из отдельных элементов и связей между ними, действующим на основании системы внутригрупповых правил; принадлежность к этому объединению обозначается с помощью доступных для восприятия символов.*

Значение данного понимания состоит в теоретическом обосновании содержания устава, и в частности распределения полномочий между органами, качественного критерия для признания сделки крупной, допустимости безвозмездной передачи имущества от одного коммерческого юридического лица другому в рамках организационного единства, допустимости так называемого снятия корпоративных покровов и иных случаев привлечения к ответственности одного юридического лица по обязательствам другого. Рассмотрим эти последствия признания организационного единства более подробно.

Так, для ответа на вопрос об уставных ограничениях на совершение сделок единоличным исполнительным органом самостоятельно нужны объективные критерии, к которым, в частности, можно отнести понимание стержневого актива, вокруг которого построено организационное единство. Компании, исходя из собственной трактовки значимости тех или иных сделок для конкретного бизнеса, устанавливают пределы самостоятельности директора по сумме сделки, виду отчуждаемого (приобретаемого) имущества. Например, для компании особую важность могут иметь сделки с акциями (долями участия) дочерних обществ, недвижимым имуществом или объектами интеллектуальной собственности.

Согласно п. 8 ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»

²⁴ СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

²⁵ СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9600.

стью»²⁶ под сделками, не выходящими за пределы обычной хозяйственной деятельности, понимаются любые сделки, которые приняты в деятельности соответствующего общества либо иных хозяйствующих субъектов, осуществляющих аналогичные виды деятельности, независимо от того, совершались ли такие сделки таким обществом ранее, если такие сделки не приводят к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов. Из этого в юридической доктрине и судебной практике выводятся так называемый качественный критерий крупной сделки, который означает необходимость оценки, помимо стоимости отчуждаемого или приобретаемого актива, также воздействия сделки на всю деятельность юридического лица. Эти параметры изменения масштаба или прекращения деятельности заставляют взвешенно подходить к оценке всей совокупности юридических действий, совершаемых юридическим лицом, цели его деятельности (опять же, речь идет не об общей для всех коммерческих юридических лиц цели извлечения прибыли, а как раз о вышерассмотренной цели организационного единства, обусловленной стержневым активом). В связи с этим для одного юридического лица продажа фитнес-центра будет продажей непрофильного актива; даже притом, что его стоимость составляет более 50 % балансовых активов общества, эта сделка может быть признана совершаемой в процессе обычной хозяйственной деятельности. Для другого лица аналогичная сделка будет крупной исходя из целей его деятельности. Сегодня судам непросто разобраться в качественном критерии, что приводит к отсутствию единообразия практики²⁷.

Безвозмездная передача имущества от одних юридических лиц другим всегда вызывает массу вопросов в судебной практике ввиду прямого запрета дарения в отношениях между коммерческими организациями (п. 4 ст. 575 ГК РФ). При этом суды в случаях, когда безвозмездные передачи имущества происходят внутри одного организационного единства (напри-

мер, между основным и дочерним обществами или между двумя дочерними обществами одного основного общества и пр.), высказывали правовую позицию относительно допустимости таких действий. Так, Президиум Верховного Суда РФ указал, что совершаемые между основным и дочерним обществами сделки по передаче имущества без прямого встречного предоставления не могут быть квалифицированы как сделки дарения, поскольку отсутствие такого предоставления является особенностью взаимоотношений между данными лицами, являющимися с экономической точки зрения единым хозяйствующим субъектом. Передача имущества от дочернего общества основному (и наоборот) обуславливается необходимостью в перераспределении имущества (ресурсов) между ними для достижения общих целей экономической деятельности (экономической целесообразностью). С учетом подконтрольности общества концерну и общих целей их экономической деятельности, для реализации которых может возникать необходимость в перераспределении имущества (ресурсов) между основным и дочерним обществами, квалификация любых совершаемых между такими лицами сделок по передаче имущества без прямого встречного предоставления в качестве дарения, по мнению Высшего Арбитражного Суда РФ, ошибочна²⁸.

Сегодня вопрос о допустимости безвозмездных передач одним коммерческим юридическим лицом другому в рамках одного организационного единства (когда одно юридическое лицо является акционером другого) частично решен в Федеральном законе «Об акционерных обществах»²⁹. В частности, согласно п. 1 ст. 32.2 Закона к договорам, на основании которых вносятся вклады в имущество общества, не применяются положения ГК РФ о договоре дарения.

Внутри организационного единства можно также прощать долги друг другу без риска признания такого прощения недействительным со ссылкой на п. 4 ст. 575 ГК РФ. Согласно п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ

²⁶ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

²⁷ См., например: определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.08.2024 № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021 (дело «Бест Клин»); от 08.07.2024 № 308-ЭС24-2859 (дело ЗАО «СП «Русь»»); от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 (дело ООО «Дон-Моторс плюс»).

²⁸ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2012 № 8989/12.

²⁹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»³⁰ прощение долга не свидетельствует о заключении договора дарения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника. Об отсутствии такого намерения могут свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству (например, признанием долга, отсрочкой платежа по другому обязательству, досудебным погашением спорного долга в непращенной части и т.п.), достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т.п. В организационном единстве имеется иной экономический интерес, который, однако, необходимо специально обосновывать.

Как следует из п. 1 ст. 48, п. 1 и 2 ст. 56, п. 1 ст. 87 ГК РФ, законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности и самостоятельной правосубъектности. В то же время правовая форма юридического лица (корпорации) не должна использоваться его участниками и иными контролирующими лицами для причинения вреда независимым участникам имущественного оборота. Это предполагает наличие у участников корпораций, а также у лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений и по общему правилу исключает возможность привлечения упомянутых лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица перед иными участниками оборота³¹.

Как мы уже отметили, не всякое организационное единство является юридическим лицом. Для того чтобы организационное единство можно было признать юридическим лицом, стержневой актив, цель, структура общности (компоненты и связи между ними), а также

символическое обозначение, используемое для демонстрации идентичности и индивидуализации, должны соответствовать установленной в законе организационно-правовой форме. В настоящее время допускается регистрация юридических лиц только в тех организационно-правовых формах, которые прямо названы в ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 48 ГК РФ юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом. Если стержневой актив, цель, структура общности, а также символическое обозначение не соответствуют закону, то в регистрации юридического лица будет отказано. Это не препятствует существованию организационных единств, не являющихся юридическими лицами.

Некоторые такие организационные единства без правового статуса юридического лица прямо названы в законе. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³² инновационный научно-технологический центр — совокупность организаций, основной целью которых является осуществление научно-технологической деятельности, и иных лиц, деятельность которых направлена на обеспечение функционирования такого центра, действующих на определенной Правительством РФ территории. Согласно Федеральному закону от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»³³ интегрированная структура оборонно-промышленного комплекса — объединение ведущих совместную деятельность юридических лиц, которое не является юридическим лицом, создается в соответствии с решениями Президента РФ или Правительства РФ и в котором одно юридическое лицо имеет возможность определять решения, принимаемые остальными юридическими лицами. В соответствии с указанным Законом определяется и промышленный кластер — как

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. № 136. 25.06.2020.

³¹ См.: определение Верховного Суда РФ от 02.09.2024 № 302-ЭС24-8561 по делу № А58-3080/2022 ; определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.07.2024 № 303-ЭС24-372 ; от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809.

³² СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4765.

³³ СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации.

Существуют и иные неправосубъектные общности, обладающие организационным единством, такие как гражданско-правовое сообщество, семья, домохозяйство, кластеры и др.

Заключение

Организационное единство является объективно (во внешнем мире) выраженным устойчивым объединением, интегрированным функционально незаменимым компонентом, имеющим структуру, состоящую из отдельных элементов и связей между ними, действующим на основании системы внутригрупповых правил; принадлежность к этому объединению обозначается с помощью доступных для восприятия символов.

Организационное единство не является эксклюзивным признаком юридического лица. Общности, обладающие организационным единством, могут иметь или не иметь статус юридического лица в зависимости от того, планируют ли участники общности приобретать и осуществлять права и выступать в гражданском обороте, для чего необходима правосубъектность. Если организационное единство желает иметь правосубъектность (быть юридическим лицом), оно должно соответствовать требованиям, установленным в законе к организационно-правовым формам общностей, допускаемых к участию в гражданском обороте в качестве юридического лица.

Значение данного понимания состоит в теоретическом обосновании содержания устава, и в частности распределения полномочий между органами, качественного критерия для признания сделки крупной, допустимости безвозмездной передачи имущества от одного коммерческого юридического лица другому в рамках организационного единства, допустимости так называемого снятия корпоративных покровов и иных случаев привлечения к ответственности одного юридического лица по обязательствам другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 367 с.
- Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. 363 с.
- Габов А. В.* Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11–21.
- Кочеткова А. И.* Введение в организационное поведение и организационное моделирование : учеб. пособие. М., 2003. 172 с.
- Лаптев В. А.* Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М. : Волтерс Клувер, 2008. 258 с.
- Ломакин Д. В.* Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12.
- Мильнер Б. З.* Теория организации : учебник. М., 2008. 864 с.
- Могилевский С. Д., Самойлов И. А.* Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности. М., 2007. 607 с.
- Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. М. : Статут, 2011. 958 с.

REFERENCES

- Bratus SN. Legal Entities in Soviet Civil Law (Concept, Types, State Legal Entities). Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR; 1947. (In Russ.).
- Bratus SN. Subjects of Civil Law. Moscow: State Publishing House of Legal Literature Publ.; 1950. (In Russ.).
- Gabov AV. Economic Dependence of Legal Entities: Some Reflections on the Development Of The Institution. *Civil Law*. 2022;3:11-21. (In Russ.).
- Kochetkova AI. Introduction to organizational behavior and organizational modeling. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Laptev VA. Entrepreneurial Associations: Holdings, Financial and Industrial Groups, Simple Partnerships. Moscow: Wolters Kluwer; 2008. (In Russ.).
- Lomakin DV. General Characteristics of the Rights and Obligations of Members of a Limited Liability Company. *Civil Law*. 2021;2:3-12. (In Russ.).
- Milner BZ. Theory of Organization. Moscow; 2008. (In Russ.).
- Mogilevsky SD, Samoilov IA. Corporations in Russia. Legal Status and Fundamentals. Moscow; 2007. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Russian Civil Law: In 2 vols. Vol. 1: General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-property Rights. Moscow; 2011. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Софья Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
д. 1, стр. 13, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
filippovasy@yandex.ru

Шиткина Ирина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
д. 1, стр. 13, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
ishitkina@shitkina-law.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sofia Yu. Filippova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Commercial Law and Fundamentals of Jurisprudence, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ilippovasy@yandex.ru

Irina S. Shitkina, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ishitkina@shitkina-law.ru

*Материал поступил в редакцию 17 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 14 мая 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.*

*Received 17.04.2025.
Revised 14.05.2025.
Accepted 15.02.2026.*